КАРЛ
ПОЛАНЬИ

В ПОИСКАХ
СРЕДСТВ
К СУЩЕСТВОВАНИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ISBN 978-5-93255-720-4

Карл Поланьи
В поисках средств к существованию

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74411081
К. Поланьи. В поисках средств к существованию: Издательство Института Гайдара; Москва; 2026
ISBN 978-5-93255-720-4

Аннотация

Карл Поланьи – один из наиболее оригинальных экономических мыслителей XX века, чьи идеи по-прежнему не утратили своей остроты. «В поисках средств к существованию» – последняя и в каком-то смысле итоговая его работа, вышедшая посмертно: в ней он сводит воедино десятилетия исследований в области экономической истории и антропологии.

В центре книги – фундаментальный тезис: экономика не является автономной сферой, подчиненной универсальным законам рынка, а всегда укоренена в социальных, политических и культурных отношениях. Прослеживая историю хозяйственных институтов от древней Месопотамии и архаической Греции до капитализма XIX века, Поланьи показывает, что саморегулирующийся рынок – не вечная данность, а исторически обусловленный и внутренне неустойчивый эксперимент.

На протяжении большей части человеческой истории распределение ресурсов осуществлялось иными способами – через реципрокность и редистрибуцию, а не через ценовой механизм.

Книга бросает вызов базовым допущениям неоклассической экономики и предлагает принципиально иной язык для описания хозяйственной жизни – язык, востребованность которого лишь возрастает перед лицом кризисов современного глобального рынка.

Содержание

Заметки о жизни и творчестве Карла Поланьи 6
Предисловие редактора 25
Введение редактора 30
Предисловие 55
Теория, история и политика 57
Введение 61
I. Изменения и экономическая история 66
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Карл Поланьи
В поисках средств к существованию

Karl Polanyi
The Livelihood of Man

© 1964 Karl Polanyi
© Издательство Института Гайдара, 2026

* * *

Посвящается Чарли, Джорджу и Розмари – вы были вместе со мной с самого начала

Заметки о жизни и творчестве Карла Поланьи

Если бы мне нужно было найти образ, с помощью которого можно было бы описать личность Карла Поланьи, то я, наверное, воспользовалась бы словом, часто срывавшимся с его языка, – *skandalon,* что означает *der Stein des Anstosses*, или «камень преткновения». Ведь в течение всей своей жизни он выступал против укоренившихся догматов, неустанно пытаясь пробудить в людях способность к восприятию новых идей и представлений. Так было и когда он, еще совсем молодой человек, выступал с пылкими речами на заседаниях Галилейского кружка[1]. Так было в начале его зрелого периода, когда он перестал возглавлять этот кружок. Так было в последние десятилетия его жизни, когда он разрабаты-

[1] Галилейский кружок был основан в 1908 г., его первым президентом был Поланьи. Эта студенческая организация объединяла прогрессивно настроенных студентов Будапештского университета. Илона Дучинская (правда, по другому поводу) писала, каким должен быть девиз Галилейского кружка: «Да будет он свободомыслящим, далеким от партийной политики, преданным своим идеалам и порядочным. Пусть он взывает к тысячам студентов, живущих в нищете. Пусть он поставит перед собой задачу учить и просвещать». Вот как она описывала миссию этого кружка: «Выступать против клерикализма, против коррупции, против привилегий власть имущих и бюрократов – против извечного и повсеместного болота этой полуфеодальной страны». – *Прим. ред. английского издания*.

вал новаторские подходы для исследований в области социальных наук. «Всю свою жизнь он был социалистом, – писала о нем его дочь в своих мемуарах. – Он никогда не был членом какой-то политической партии. Он не участвовал ни в каких политических движениях. Не будучи доктринером, он неоднократно выступал с критикой во время дебатов, организованных представителями европейских социалистических движений. Марксистом он не был, еще дальше он был от социал-демократов. Гуманист, но, по сути, он был реалистом. Хотя он осознавал реальность общественной жизни и ограничения, которыми эта реальность связывает действия, ценности и идеи всех тех, кто вынужден жить в обществе, его собственная жизнь управлялась внутренней потребностью пользоваться свободой действий и мыслей и никогда не поддаваться детерминизму или фатализму»[2].

С Карлом Поланьи я познакомилась в ноябре 1920 г. в Австрии, где мы оба жили в изгнании. Я неоднократно писала о нем[3] – об истории его семьи, о его детстве, о его родителях, о том, какое моральное влияние оказали на него, тогда еще совсем молодого человека, российские революционеры-эмигранты (главным образом Самуэль Кличко, друг его семьи). В своих записках я опиралась на воспоминания Поланьи, ко-

[2] Karl Levitt, "Karl Polanyi and Co-Existence", *Co-Existence*. No. 2, 1964.

[3] Ilona Duczynska, "Karl Polanyi (1886–1964)" – семейная хроника и краткое описание его жизни (на венгерском языке).

торыми он время от времени делился со мной в течение 40 лет нашей совместной жизни.

Карла Поланьи из Галилейского кружка я не знала. И дело не только в том, что между нами была разница в 10 лет. Я бы сказала, что причина была в том, что мы принадлежали к разным поколениям. Для более молодого поколения – моего – существовала только революционная деятельность. И ничем другим мы не занимались. Между маленькой группой активистов, в которую я входила в 1917–1919 гг., и группой «бывших галилейцев» не было ничего общего.

На самом деле только на склоне лет, в 1963 г., в Будапеште, находясь среди современников Поланьи, я смогла прикоснуться к отблескам былой славы Галилейского кружка, сохранившимся и полвека спустя.

В моей памяти запечатлелись слова, сказанные о Поланьи двумя его ближайшими друзьями и соратниками по Галилейскому кружку, Зигмундом Кенде и Морисом Корачом. Это были очень точные слова, рисующие живой образ молодого Поланьи: «У него были задатки пророка, и он ощущал себя неким анахронизмом. Таким он был в 1911 г. Но не в последующие годы». Эти слова принадлежат Кенде.

А вот слова Корача: «Это был человек необыкновенных способностей и неистовой силы мысли. Он смотрел далеко в будущее. Он смог предугадать проблемы, которые гораздо позднее появились в области социологии и теории знания. Он не был создан для продолжительного политического ру-

ководства. Главное – это то, что он оказывал на молодежь моральное влияние благодаря своим лучшим качествам: честности, правдивости и искренности. И молодежь это ощущала. Он был источником морального духа Галилейского кружка. Он никогда не проявлял холодности или высокомерия – а его доводы отличались новизной и оригинальностью. Для нас он был Человеком с большой буквы, и мы навсегда сохраним его в наших сердцах».

Передо мной лежат несколько листков бумаги, пожелтевших и сморщившихся от времени, исписанных размашистым почерком Поланьи. Эти листки сохранились благодаря какой-то невероятной случайности. В записях нет ни начала, ни конца. Это просто фрагмент, отколовшийся от камня преткновения.

Было время, когда безбожников, атеистов называли вольнодумцами. Мы уже давно миновали этот этап. Кроме того, среди атеистов встречается множество недалеких бездеятельных людей с мелкобуржуазным менталитетом, которых можно считать кем угодно, только не вольнодумцами. В то же время человек верующий может быть способен на отчаянное восстание духа. И в ряду тех, кто умер во славу свободной мысли, первым всегда будет Иисус из Назарета.

Под свободой духа мы понимаем не отрицание истины, этики, законов или власти.

Напротив, говоря о свободе духа, мы подразумеваем, что

человек будет неустанно искать истину, твердо придерживаться требований этики, действовать в соответствии с законом и уважать власть. Будет делать это неустанно и последовательно. Не пойдет на попятный в случае сомнений, будет стремиться к тому, чтобы вызволить человеческую природу из присущего ей сонного состояния и придать людям бодрость духа и энергию. Будет искать истинный смысл таких понятий, как «класс» и «раса». Этот человек выберет для себя путь чистой этики, не свернет на дорогу шаблонных решений, предписываемых «моралистами» и им подобными. Будет твердо стоять на стороне справедливости, даже если для этого придется поступиться законом, и склонится только перед властью добра и истины, отвратившись от фальшивых властителей, которые держатся лишь благодаря сомнительным успехам и демонстрации силы.

Таким образом, нужно искать истину даже там, где традиция, накладывая запреты, преграждает нам путь. Мы должны действовать по законам этики, даже если соглашатели и оппортунисты станут клеймить наши поступки и навешивать на нас такие ярлыки, как «супер-идеалисты», «молодняк», «донкихоты» или просто «зеленые» и «незрелые». Мы должны бороться за справедливость, даже нарушая закон, и возводить алтарь в честь героев добра и истины на обломках власти условности, цинизма, невежества и духовной лености[4].

[4] Рукопись из архива Илоны Дучинской.

Последовательным политическим лидером он действительно не стал, да и не мог им быть. Четыре десятилетия спустя Поланьи написал письмо своему давнему близкому другу Оскару Яси[5]. Наверное, это письмо является самым правдивым и откровенным свидетельством о его жизни.

Галилейский кружок творчески был наиболее успешен в области этики. Возможно, впервые после 1848 г. студенческие массы узнали о таком понятии, как моральные обязательства, и даже стали использовать его на практике в личной жизни. Но что касается политики, то здесь я допускал непростительные ошибки… Из-за того, что в работе Галилейского кружка было много недочетов, к 1918 г. еще не выросло поколение, слившееся в одно целое с крестьянством и национальными меньшинствами в длительной суровой борьбе… Кто в этом виноват? Я. Руководя кружком, я не учитывал важность политического фактора. Я не пытался, да и не стремился достичь какого-то единства с рабочим классом, или с крестьянством, или с национальными меньшинствами, участвуя с ними в политических действиях… Я никогда не был политиком. К этому у меня нет ни призвания, ни даже интереса.

---

[5] Письмо Карла Поланьи Оскару Яси, 27 октября 1950 г. Из архива Илоны Дучинской.

Это письмо было написано в 1950 г., на пике карьеры Поланьи в качестве преподавателя и исследователя в таких областях, как социальные науки или история экономики. Ретроспективно он с горечью судит о том, что в прошедшие десятилетия ему недоставало реализма: «Это обрекло меня на то, что и в теоретической, и в практической области мне не удалось добиться сколько-нибудь значимых успехов. С 1909 по 1935 г. мне ничего не удалось достичь. Я впустую напрягался и тратил свои силы не на то – усилия, направленные в сторону чистого идеализма, оказались тщетными».

В этом, по сути, самообличительном письме Поланьи временами вскользь упоминает о том, что в дальнейшем он несколько продвинулся в работе над своими важнейшими исследованиями, однако о самых плодотворных результатах он сознательно умалчивает. Одним из таких результатов было обращение к вопросам теории социализма в работе 1922 г. «Бухгалтерский учет при социализме»[6]. Это было время, когда буржуазные экономисты неустанно доказывали невозможность социалистической организации хозяйства и создания бухгалтерского учета при социализме. В качестве аргумента, за неимением лучшего, они могли использовать только опыт военного коммунизма в Советской России. Совершенно естественно, что такая аргументация не могла не

[6] Karl Polanyi, "Sozialistische Rechnungslegung", *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 49, Heft 2, 1922.

навлечь критику с обеих сторон[7]. Доводы, лежавшие в ее основе, могут представлять интерес и для сегодняшнего читателя. Или, возможно, особенно для сегодняшнего читателя.

Итак, в конце 1920-х гг. Поланьи с большой симпатией следил за процессом социалистического строительства в СССР и попытками нащупать правильные решения в экономической и теоретической областях. С такой же симпатией он относился и к венскому пролетариату.

В этот же период в нем проявился политический реализм. Он писал редакторам будапештского журнала *Latohatar* («Горизонт»):

Вы совершенно правы. Больше всего нам нужна вера в демократию. Сегодня этого недостаточно. Возьмите пример с реакционеров. Они всегда идут в ногу со временем. Если демократия заключается в правде – а так оно и есть, – не отказывайтесь от критики. Необходимо постоянно извлекать уроки из ошибок прошлого. И если главной ошибкой было то, что мы витали в облаках, отстраняясь от реальности, то теперь ориентируйтесь на реальность… Абстрактная демократия, которая высокомерно оставляет без внимания реаль-

---

[7] Ludwig von Mises, "Neue Beiträge zum Problem der Sozialistischen Wirtschaftsrechnung", *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 1, Heft 2. F. Weil, "Gildeneozialistische Rechnungslegung", *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 52, Heft 1, 1924, Karl Polanyi, "Die funktionelle Theorie der Gesellschaft und das Problem der sozialistischen Rechnungslegung, Eine Erwiderung." *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, Band 52, Heft 1, 1924.

ность классовой структуры, религии, войны, насилия, заслуживает того, чтобы быть обесцененной реальностью[8].

В это же время, то есть в конце 1920 г., в рукописи под названием «О свободе» (Über die Freiheit)[9] Поланьи впервые сформулировал свои критические философские взгляды относительно современных ему религии и социализма.

Эта рукопись была предана забвению. В ней он поднял такие вопросы, как выход за пределы христианской этики отдельного человека, реальность общества и его характер – неотвратимый и неотменяемый (die Unaufhebbarkeit der Gesellschaft), осознание этой неотвратимости. Эти вопросы стали краеугольным камнем последующих трудов Поланьи и философией его жизни.

Поворотным моментом в жизни Поланьи стала его эмиграция в Англию в середине 1930-х гг. Там он встретил близких по духу людей – видных ученых, христианские взгляды которых сочетались с огромной симпатией (можно было бы даже сказать – с некритической симпатией) к Советскому Союзу. Благодаря их совместным усилиям был организован симпозиум под названием «Христианство и социалистиче-

---

[8] Karl Polanyi, "Concerning the aims of Hungarian democracy" (in Hungarian), *A Láathatár*, March-April 1927.

[9] Рукопись из архива Илоны Дучинской.

ская революция»[10].

Однако по своей созидательной силе шок, которым для него стала сама Англия, был сильнее, чем любое интеллектуально влияние. В Англии мы столкнулись с настоящим капитализмом – хотя, как нам казалось, о капитализме мы уже знали все, что нужно было знать. Однако дома, описанные Энгельсом, оставались на месте. И в них продолжали жить люди. В Уэльсе посреди зеленых полей по-прежнему высились черные горы шлака. Из депрессивных районов стекались в Лондон молодые люди, чьи родители, на их памяти, всегда были безработными.

Поланьи участвовал в образовательных программах для взрослых в рамках учебно-просветительских мероприятий (Tutorial Classes), организуемых Просветительской ассоциацией рабочих и заочными отделениями Оксфордского и Лондонского университетов. Это позволило ему познакомиться с самыми разными категориями рабочего класса Великобритании и получить представление о жизни рабочих. Он одновременно преподавал и учился. Раз в неделю он проводил занятия в маленьких городках и деревнях, расположенных в графствах Кент и Суссекс. У него было множество возможностей познакомиться с представителями рабочего класса, особенно когда занятия заканчивались слишком поздно и он мог воспользоваться гостеприимством кого-то

[10] Donald Kitchen and Karl Polanyi, (eds.), *Christianity and the Social Revolution* (London, 1935).

из учащихся, остановившись на ночлег в его доме.

Поланьи с любовью относился к своим студентам, но одновременно испытывал ненависть к классическим представителям классового общества, то есть буржуа, на классической родине такого общества. Он преподавал экономическую историю, а также историю раннего капитализма в Англии. Кроме того, он записывал воспоминания тех студентов, семьи которых сохранили предания о днях былых. Память о «черных сатанинских фабриках» из стихотворения Блейка передавалась из поколения в поколение, и британский рабочий класс даже и после своего экономического подъема, и несмотря на него, продолжал нести на себе печать травмирующих событий, произошедших на заре его становления.

Лучшим из лучших иногда дается возможность в течение жизни умерить свою священную ненависть. Это удалось Поланьи, когда он жил в Англии. Позднее, когда он переехал в США, его ненависть вновь стала набирать обороты. Теперь она была направлена на рыночное общество и на оказываемое им воздействие, в результате которого человек лишается своего человеческого облика.

Он писал Оскару Яси:

Мне было пятьдесят лет, и я жил в Англии, когда некоторые обстоятельства заставили меня заняться изучением экономической истории. Я зарабатывал себе на хлеб преподаванием – ведь я был прирожденным преподавателем. Тогда я

не задумывался о том, что в будущем мне уготовано другое поприще, к которому я уже начинал готовиться. Спустя приблизительно три года, вновь под давлением обстоятельств, я написал книгу[11], попробовав в очередной раз представить собственную интерпретацию недавней истории… но теперь в основе моих рассуждений лежали идеи, связанные с экономической историей[12].

Цели и задачи книги «Великая трансформация», ее структура и, кроме всего прочего, ее основные положения были сформулированы к 1940 г. Книга была опубликована в Нью-Йорке в 1944 г. и в Лондоне – в 1945 г.

На Социологическом конгрессе, состоявшемся в Англии в 1946 г., Поланьи в трех пунктах озвучил свои главные тезисы:

1. Теория экономического детерминизма преимущественно принадлежала к XIX веку и теперь практически перестала использоваться большинством стран. Эта теория была эффективной лишь в условиях рыночной системы, которая в настоящее время в Европе быстро исчезает.

2. Рыночная система значительно исказила наши пред-

[11] Karl Polanyi, *The Great Transformation* (New York: Rinehart and Co., 1944); Карл Поланьи, *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (Санкт-Петербург: Алетейя, 2002).

[12] Письмо Карла Поланьи Оскару Яси, 27 октября 1950 г. Из архива Илоны Дучинской.

ставления о человеке и обществе.

3. Эти искаженные взгляды представляют собой главные препятствия на пути решения проблем, стоящих перед нашей цивилизацией[13].

В конце 1946 г. Поланьи в качестве приглашенного профессора экономики прочитал курс лекций по всеобщей экономической истории в Колумбийском университете.

«За последние четыре года, – продолжает он в письме к Оскару Яси, – произошло нечто совершенно удивительное. Эти четыре года пролетели в страшной горячке, и теперь кажется, что это был один-единственный день непрерывной работы. Результатом будет – независимо от того, закончу я эту книгу или нет – описание экономик, существовавших в ранних обществах, в частности интерпретация таких вопросов, как торговля, деньги и рыночные явления, заложившие фундамент для компаративной истории экономики»[14].

После того как в 1953 г. в возрасти 66 лет Поланьи прекратил свою преподавательскую деятельность, он погрузился в исследовательскую работу. При активном участии своих бывших студентов и коллег он в течение последующих пяти

---

[13] Karl Polanyi, "On belief in economic determinism", *The Sociological Review*, Vol. 39, Section 1, 1947; Карл Поланьи, "О вере в экономический детерминизм", в: Р. М. Нуреев (ред.), *"Великая трансформация" Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее* (Москва: ГУ – ВШЭ, 2007), с. 28–37.

[14] Polanyi, "On belief in economic determinism"; Поланьи, "О вере в экономический детерминизм".

лет трудился над проектом по междисциплинарным исследованиям, разрабатывая вопросы, связанные с экономическими аспектами институционального роста. Результаты их совместной работы были опубликованы в 1957 г.[15]

Около 1949 г. Поланьи приступил к интенсивному изучению Дагомеи в XVIII веке. Окончательно это исследование было завершено зимой 1962 г., результаты были изложены в книге под названием «Дагомея и работорговля» (Dahomey and the Slave Trade). Эта книга была опубликована посмертно.

В последние годы его жизни научные исследования все больше сливались с его глубоким интересом и пониманием проблем, стоящих перед человечеством. Он написал небольшую по объему статью под названием «Заметки на полях о повороте в сторону социализма» (на венгерском языке для периодического издания, издаваемого на Западе). Эта статья – еще один пример того, что он, как обычно, шел против течения – так и не была опубликована. В ней, в частности, говорилось:

У западноевропейских интеллектуалов имеется представление – хоть и несколько размытое, – что общее снижение градуса внутри лейбористского движения свидетельствует об уменьшении актуальности социализма. Эти интеллектуа-

[15] Karl Polanyi, C. M. Arensberg and H. W. Pearson (eds.), *Trade and Market in the Early Empires* (Glencoe, IL: Free Press and Falcon's Wing Press, 1957).

лы не понимают, что показателями новой общемировой тенденции в сторону социализма являются ужас перед атомной заразой, восстания цветных народов, а также анархия в мировой экономической науке. Эта тенденция проявляется не только в области внутренней, но также и в области внешней политики, где в наши дни сила социализма становится очевидной в таких сферах, к которым неприменимы традиционные политические подходы. В таких научных дисциплинах, как физическая география, демография, биология, астрономия, и возникают проблемы и ограничения, на которые мы должны искать ответы – что, собственно, мы и делаем. Ответы на эти вопросы рождаются в плановой экономике благодаря проникновению рабочей демократии в производство, а также благодаря образу жизни людей, осознанно выступающих за цели выживания человечества[16].

Даже простое перечисление основных научных направлений, исследованием которых занимался Поланьи, в области экономической истории и экономической социологии не укладывается в рамки этих разрозненных заметок. Однако невозможно обрисовать ход его жизни, не отметив тот факт, что его научные интересы более позднего периода, так же как и его всепоглощающая обеспокоенность судьбами человечества, проистекали из одного и того же источника. Он страстно выступал против экономической социологии, кото-

[16] Рукопись из личного архива Илоны Дучинской.

рая пыталась навязать примитивным и архаичным экономикам концепции экономической теории, правомочные только в условиях рыночной системы и нигде более. Он полагал, что такой подход препятствовал бы автохтонному развитию существующих в мире нерыночных обществ и тем самым стал бы верным инструментом в руках неоколониализма, действуя исключительно в его интересах.

Читая лекции в Колумбийском университете, Поланьи ввел в курс по всеобщей экономической истории тему «Изменение положения экономики в обществе». Этим он хотел с самого начала показать, что вместо «устаревшего хронологического описания всеобщей экономической истории» он намеревался рассматривать эту проблему с позиций экономической социологии.

«Если в ходе истории экономика изменяет свое положение внутри общества в целом, то тогда необходимо ответить на вопрос, откуда и куда она перемещается», – отмечал Поланьи в лекции, прочитанной в Будапеште в 1963 г. История экономики, задача которой состоит в поисках того, какую роль экономика играет в обществе в реальном универсальном смысле, не может пользоваться инструментарием ограниченной по масштабу экономической социологии, которая основывается исключительно на концепции «обмена». Причина этого состоит в следующем:

Феномен обмена может считаться универсальной катего-

рией только применительно к рыночному обществу… Так, например, социализму сегодня требуется как раз такое расширение подходов и задач, которое оказало бы влияние на области исследования, находящиеся на стыке рыночной и нерыночной экономик. Теперь капитализм собственными глазами увидит, что из-за определенных ограничений не в состоянии ввести элементы планирования в свою экономику, целиком и полностью подчиненную власти рынка. В то же время социализм будет стремиться преумножить собственные успехи в экономическом планировании путем введения определенных рыночных элементов. В недостаточно развитых странах, а также у наций, еще только находящихся в процессе формирования, наблюдается борьба между рыночными и нерыночными элементами. Социализм всегда должен с осторожностью относиться к крайне широким взглядам, излагаемым в различных трудах по экономической истории, модернизированных с позиций последних достижений социологических наук[17].

В 1963 г. Поланьи приехал в Будапешт. Это было возвращение домой. Он уже знал, что смертельно болен, и хотел подвести итоги своего жизненного пути: «В годы кризиса, ставшего угрозой для всего человечества, я полностью перешел на позиции социализма. Социализм больше не является

[17] Karl Polanyi, “Economic sociology in the United States”, Lecture given at the Institute for Cultural Relations, Budapest, Oct. 9, 1963.

делом только рабочего класса – теперь это вопрос жизни и смерти для всех людей. И в решении этого вопроса немаловажную роль сыграла моя родная Венгрия. Все мои мысли сегодня обращены к Венгрии. Я, как человек, формирование которого в молодые годы прошло на фоне событий, определивших общую мадьярскую судьбу, всем обязан своей Родине», – писал он в своем обращении к новой Венгрии – Венгрии молодых писателей, поэтов и ученых [18].

Последнее десятилетие своей жизни Поланьи посвятил захватывающей научной работе. Свои труды он писал в Канаде, в маленьком домике, стоящем над излучиной реки, где его душе открылось ощущение истинной полноты жизни. Наверное, лучше всего это состояние передано в одном из его писем, адресованных Би де Ваард, его возлюбленной времен ранней молодости. В этом письме, написанном в 1958 г., его воспоминания переплетаются с мыслями о грядущем:

Мою жизнь можно назвать «общечеловеческой» – я прожил жизнь людей всего земного шара. Казалось, жизнь в мире замерла на несколько десятилетий только для того, чтобы впоследствии наверстать целый век за несколько лет. Именно так я постепенно возвращаюсь к самому себе, к тому, кого я потерял тридцать лет назад или около того – в ожидании Годо. И вот снова все встало на свои места, и мир, вернув-

[18] Karl Polanyi, "Our Homeland's Duty" (in Hungarian), *Kortárs*, December 1963.

шись на круги своя, вновь поравнялся со мною. При взгляде назад все это может показаться даже смешным – годы мученичества, проведенные в изоляции, кажутся *миражом* – ведь на самом деле я ждал только самого себя. Теперь судьба играет против нас (и против тебя, и против меня). Еще бы одно десятилетие – и вся моя жизнь была бы оправдана. Я работал на благо Азии, на благо Африки, на благо новых народов… И протест, который в конце концов вызвал мир моих мыслей, тоже является добрым знаком. Как бы мне хотелось подольше прожить и оставаться в борьбе, но человек смертен[19].

Карл Поланьи умер 23 апреля 1964 г. Он продолжал работать до последнего вечера своей жизни. Над его гробом были прочитаны строки Аттилы Йожефа – строки, посвященные Богу, которого он хранил в тайниках своей души, не давая ему проникнуть в свои мирские дела:

Как я люблю тебя, мой Бог.
Будь ты газетчиком-мальчишкой,
Я в этом бы тебе помог.
Илона Дучинская-Поланьи
Пикеринг, Онтарио, 1970 г.

[19] Письмо Карла Поланьи Би де Ваард, 6 января 1958 г. Машинописный вариант из личного архива Илоны Дучинской.

Предисловие редактора

Редактировать и издавать незавершенные работы умершего человека, который не имеет возможности что-то опротестовать, – это весьма амбициозная задача. Здесь легко допустить ошибку – ведь как можно сложить в единое целое незаконченные суждения, или выбрать один из нескольких вариантов законченных суждений, или с уверенностью утверждать, что эти суждения передают именно тот смысл, который в них хотел вложить автор? В случае с публикуемой здесь рукописью Карла Поланьи возникает еще больше сомнений, поскольку практически каждое его суждение было сформулировано в нескольких различных вариантах, а некоторые из них носят фрагментарный характер.

Тем не менее еще при жизни Поланьи имелся четкий макет книги под названием «В поисках средств к существованию». Этот макет включал в себя подробное оглавление, несколько вариантов предисловий, введение, более или менее завершенные главы 1 и 4 – именно в этом виде они публикуются в данной книге. Главы 2, 3 и 8 также существовали в различных вариантах. Для настоящего издания они были отредактированы и теперь содержат наиболее полные изложения взглядов Поланьи по соответствующим вопросам. Кроме того, имелось несколько глав, посвященных вопросам торговли, денег и рынков в Древней Греции, с фокусом на

Афины. В данную работу были добавлены рассуждения, наиболее характерные для учения Поланьи, в том виде, в котором он намеревался видеть их в своей книге. Остальные главы, которые он планировал включить, или не были написаны, или существовали лишь в виде фрагментов – их он собирался расширить и завершить. Также имелось несколько подробных конспектов лекций, которые Поланьи читал в Колумбийском университете в 1947–1953 гг. Ряд этих лекций был посвящен проблемам, которые он предполагал рассмотреть в книге «В поисках средств к существованию». Что же касается остального, то существует множество завершенных и не полностью завершенных статей, большинство из которых имеют по нескольку вариантов, однако все они самым непосредственным образом связаны с вопросами, которые Поланьи собирался поднимать в своем исследовании. Часть из них была отложена для возможных последующих публикаций. Однако эти публикации – включая те, которые вошли в сборник статей «Торговля и рынок в ранних империях»[20] – не смогли полностью отразить проблематику его рукописи и представить изложенные в ней материалы в необходимой последовательности.

Разумеется, в первую очередь нужно было решить, публиковать ли вообще эту рукопись. Мне кажется, что Поланьи, даже если бы он прожил еще десяток лет, вряд ли бы стал

[20] Karl Polanyi, C. M. Arensberg and H. W. Pearson (eds.), *Trade and Market in the Early Empires* (Glencoe, IL: Free Press and Falcon's Wing Press, 1957).

издавать «В поисках средств к существованию». Ему просто не удалось бы завершить задуманный им гигантский проект, который он так мечтал осуществить. И вот мы, несколько его бывших учеников, ставших его верными единомышленниками, а также Илона Поланьи – эта удивительная женщина, его преданная жена, – начали готовить рукописи для того, чтобы сдать их на хранение в один из отделов библиотеки Колумбийского университета. Однако внимательно изучив имеющиеся материалы, мы пришли к выводу, что с нашей стороны было бы безответственным не представить академическому сообществу наиболее полную версию основополагающих взглядов Поланьи, даже несмотря на то, что, как мы прекрасно осознавали, рукописи были неполными и незавершенными.

Илона Поланьи попросила меня заняться редакционной работой, и я решил попытаться объединить все имеющиеся рукописи и расположить их таким образом, чтобы они максимально точно соответствовали авторскому плану книги «В поисках средств к существованию». Моя редакторская правка состояла в основном в удалении и объединении каких-то отрывков, а также в выборе между альтернативными фрагментами. Помимо этого, я только изменял некоторые слова или фразы в интересах ясности, логичности и последовательности.

В первой части Поланьи не делал никаких сносок, но я сопроводил текст сносками в тех местах, где мне казалось это

необходимым. Сноски ко второй части были сделаны в основном самим Поланьи, однако потребовалось отредактировать их и перепроверить некоторые источники, издательства и т. д. В ссылках на древнегреческие источники цитировались только оригиналы, поскольку не всегда было понятно, какой из вариантов перевода использовал Поланьи. Кроме того, иногда он делал собственный перевод.

По признанию самого Поланьи, он не был «экспертом» во всех областях, исследованием которых он занимался, в связи с чем к этой книге у экспертов неизбежно возникнет множество вопросов, а с чем-то им захочется и поспорить. (Двадцать один картотечный ящик размером 3 на 5 дюймов, забитый карточками с названиями сотен источников – это бесспорное свидетельство размаха и глубины исследования, проводимого им в течение нескольких лет.) Однако его главной целью было подготовить почву для восприятия новых концепций. Я надеюсь, что эта книга сможет выполнить такую задачу. В ней звучит голос самого Карла Поланьи – Поланьи, каким я знал его в жизни и ощущал его присутствие в материалах, с которыми я работал в течение нескольких лет.

В первую очередь я должен выразить благодарность за помощь в подготовке этой рукописи Илоне Поланьи. Ее неизменная моральная поддержка и одобрение служили для меня постоянным источником энергии в этой нелегкой работе. Я также должен поблагодарить всех моих преданных помощников, без которых эта книга вряд ли появилась бы на свет:

это Изабель Шервуд, Маргарет Майклсен и Лаура Новак. И наконец, я приношу свою огромную благодарность маленькому колледжу, расположенному на холме в юго-западном Вермонте. От него я получал финансовую помощь. Но самое главное – это то, что он стал для меня самым подходящим *местом* для работы.

Гарри У. Пирсон
Беннингтон-колледж
1977 г.

Введение редактора

– Если я поднимусь на тот холмик, я увижу сразу весь сад, – подумала Алиса. – А вот и тропинка, она ведет прямо наверх… Нет, совсем не прямо…

(Она сделала всего несколько шагов, но ей уже стало ясно, что тропинка все время петляет.)

– Надеюсь, – сказала про себя Алиса, – она приведет меня все же наверх! Как она кружит! Прямо штопор, а не тропинка! Поворот – сейчас будем наверху! Ах, нет, опять она повернула вниз! Так я снова попаду прямо к дому! Пойду-ка я назад!

И она повернула назад. Но, куда бы она ни шла, где бы ни сворачивала, всякий раз, хоть убей, она выходила снова к дому. А раз, сделав крутой поворот, она уперлась носом прямо в стену.

– Нечего меня уговаривать, – сказала Алиса, обращаясь к дому, словно он с нею спорил. – Мне еще рано возвращаться! Я знаю, что в конце концов мне придется снова уйти домой через Зеркало, и тогда все мои приключения кончатся![21]

Проблема определения роли экономики и анализа ее институциональных структур в различных обществах, на мой взгляд, напоминают упорные попытки Алисы забраться на

---

[21] Льюис Кэррол, *Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье* (Москва: Наука, 1979), с. 130.

вершину холма, чтобы получше разглядеть Сад живых цветов. Холм прямо перед глазами. Но все дорожки принадлежат Черной Королеве, самой сильной фигуре на шахматной доске. Какую бы дорожку ни выбирала Алиса, она вновь и вновь оказывалась у знакомого ей дома и с обратной стороны зеркала.

Разумеется, Черная Королева – это экономическая теория классического либерализма, а знакомый дом – это рыночная экономика современных западных стран, на основе которой и развивалась эта теория. В целом экономистов, придерживающихся постулатов этой теории, мало волнует вопрос о том, что собой представляет экономика в других странах и какое место она там занимает. Многие из этих экономистов могли бы с готовностью расширить прагматичное определение экономической науки, приписываемое Джейкобу Вайнеру, распространив его на саму экономику: если «экономическая наука – это то, чем занимаются экономисты»[22], то экономика – это то, что они изучают. Такое рабочее определение имеет свои преимущества, поскольку позволяет экономистам заниматься изучением проблем эффективности, стабильности цен и экономического роста в той системе, с которой они лучше всего знакомы, и при этом не испытывать необходимости предлагать все новые и новые определения

[22] См.: Kenneth Boulding, *Economic Analysis* (New York: Harper and Brothers, 1941), p. 3; ср.: Melville Herskovits, *The Economic Life of Primitive Peoples* (New York: Alfred Knopf, 1940), p. 29.

изучаемой ими экономической среды.

Однако сегодня целый легион ученых-социологов во всех отраслях знаний вновь ставит под сомнение надежность ортодоксальной экономической теории, используемой экономистами при анализе экономик прошлого и настоящего. При таком анализе неизбежно возникает вопрос о природе экономической среды. Конечно, спор об эмпирической релевантности экономической теории уходит корнями в далекое прошлое, и ортодоксальная экономическая теория переживала свои взлеты и падения. Однако к 1950-м гг. – вслед за посткейнсианским «синтезом» и быстрым послевоенным восстановлением экономики – казалось, что либеральная экономическая теория заняла самые прочные позиции. Неоспоримые успехи экономической политики в западных странах, надежды на скорейшее развитие «неразвитых» стран в дополнение к старой доброй традиции и красоте формальной логики – все это обеспечило экономической теории главенствующее положение в ряду социальных наук. Именно в экономической теории в первую очередь искали ответы на вопросы те, кто хотел изучать экономику прошлого, настоящего или будущего самых разных стран.

Конечно, кроме этого, существовали ортодоксии и ереси левого толка. Однако социалистический мир был сконцентрирован на собственных проблемах, и атмосфера холодной войны в целом никак не способствовала размышлениям о фундаментальных проблемах применительно к каким-то

другим странам. Это было время социалистического строительства, подтверждения собственной власти и правильности выбранного пути, а также время подавления оппозиции.

В 1950-х гг. экономическая теория достигла периода наибольшей убежденности в правильности своих постулатов. В конце 1970-х гг. мы столкнулись с совершенно иной ситуацией. Все подвергается сомнениям и требует поиска ответов на вопросы. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся, становятся все более насущными и возвращают нас к наиболее фундаментальным вопросам по поводу экономики и функций, которые она выполняет в обществе. Нет нужды подробно перечислять все важнейшие проблемы, которые не смогла и даже не пыталась решить экономическая политика, разработанная на основе общепринятой экономической теории. Однако важно подчеркнуть, что эти проблемы не сводятся только к традиционным проблемам занятости, уровня цен и экономического роста, какими бы нерешаемыми и непонятными они ни могли показаться. Это также более фундаментальные проблемы, связанные с возможностями рыночной экономики удовлетворить потребности общества, на службу которого она поставлена. К этим проблемам также относятся такие базовые вопросы, как распределение ресурсов и общее влияние, которое экономическая система оказывает на качество нашей жизни и среды обитания. Сегодня мы не должны забывать об огромной важности функциональных взаимоотношений между экономикой и обществом, существующих

как в теории, так и на практике; как в западных обществах, так и в незападных; как в индустриальных, так и в неиндустриальных экономиках. И этот фактор требует, чтобы мы вернулись к фундаментальному выяснению того, о чем, собственно, мы говорим и чего мы ждем, изучая экономику и ее роль в обществе.

Начать выяснение этого вопроса лучше всего с работ Карла Поланьи. Большинство текстов Поланьи, вошедших в эту книгу, были написаны в 1950-е гг., и высказанные в них мысли во многом расходятся с мейнстримом того времени. С 1947 по 1953 г. Поланьи был адъюнкт-профессором в Колумбийском университете и читал там курс лекций по всеобщей истории экономики. Его научные публикации были посвящены тем же проблемам, так же как и его исследовательские проекты и крайне интересные междисциплинарные семинары. На этих семинарах, продолжавшихся в течение 1950-х гг. и собиравших как студентов, так и уже состоявшихся ученых из разных университетов, происходили самые плодотворные и запоминающиеся обсуждения и обмены мнениями, от чего каждый из нас получал огромное удовольствие.

Помимо всего прочего, Поланьи был настоящим учителем, и его ни на что не похожие идеи, которые он излагал с огромным энтузиазмом, не могли не найти отклик у многочисленных немного смущенных и неуверенных в себе студентов Колумбийского университета. Большинство из нас

незадолго от этого вернулись с фронта, и мы еще находились под впечатлением нашего тяжелого времени. Мы были разочарованы бессмысленным догматизмом марксистского учения и в то же время скептично настроены по отношению к счастливому фасаду, на фоне которого вновь объединившиеся Маммона и наука предлагали «новую экономическую науку» и «конец идеологии». Зато идеи Поланьи, обладавшие совершенно иным качеством и глубиной, могли направить огромное количество студентов по верному пути в сторону нового понимания социальной реальности, скрывавшейся за этим нарядным фасадом.

Однако 1970-е гг. создавали ту питательную среду, которая позволила по достоинству оценить взгляды Поланьи на экономику и общество. Его концепции стимулировали общемировой интерес и вызывали споры между социологами, стремящимися найти свежее обоснование перемен, которые происходили на протяжении последних двух десятилетий и затрагивали отношения между экономикой и политикой, между экономикой и обществом. Все это и явилось обоснованием необходимости посмертно издать его рукопись, в которой предпринята попытка в одной книге сформулировать все его главные концепции и точки зрения.

В центре научных интересов Поланьи был вопрос об «изменившейся роли экономики в обществе». Его цель состояла в том, чтобы внимательнейшим образом проследить роль экономики на протяжении всей истории человеческой циви-

лизации. Его метод был методом разностороннего исследователя, и, хотя его художественное полотно было нарисовано весьма широкими мазками, он заставил многих авторитетных ученых в интересующей его области пересмотреть ряд вопросов, относящихся к характеру и организации экономики в примитивном, античном и современном обществах. Кроме того, он поставил перед нами ряд вопросов, над которыми мы до сих пор продолжаем размышлять.

Первая теоретическая задача Поланьи состояла в том, чтобы разобраться со значением самого термина *экономика* и устранить путаницу, возникшую в результате смешения «формального» экономического определения (сформулированного исходя из логики экономически рациональных действий) и более старого понятия, определяющего экономику в более привычном смысле как «субстантивную» сферу общества, производящую материальные блага.

Это был не просто вопрос семантики. Он затрагивал саму суть проблемы, с которой сталкивался каждый ученый, поставивший перед собой задачу изучить экономику в любом месте и на любом отрезке истории. Если руководствоваться экономической теорией западного либерализма, то вопрос о том, что такое экономические институты и где они находятся (то есть вопрос о месте экономики в обществе), оказывался для исследователя неразрешимой загадкой. При такой постановке вопроса экономика была везде и одновременно нигде. По сути, чисто экономическая теория имеет дело с ра-

циональными экономическими действиями, то есть с одним из аспектов человеческой деятельности. Таким образом, она идентифицирует и логически формализует некий вид осознанного поведения. Однако этот экономический аспект человеческой деятельности неприложим ни к одной институциональной сфере. Как заметил Франк Найт в 1958 г., когда его попросили назвать наиболее серьезную экономическую проблему, стоявшую в то время перед США, «этот вопрос не имеет конкретного ответа. Большинство проблем связано с использованием благ, отсюда возникает требование „к их экономически рациональному использованию“, к необходимости избегать расточительства и нецелесообразности. Соответственно, экономические проблемы нельзя свести к одному определенному классу, и любой список проблем будет иметь совершенно произвольный характер»[23].

Для экономиста эта загадка разрешается в связи с тем, что в западных странах рациональное экономическое поведение и реальная институциональная структура экономики в той или иной степени соответствуют друг другу. Эмпирическая реальность, которую изучают экономисты, придерживающиеся западной либеральной традиции, представляет собой систему рынков, денег и цен. Как правило, благодаря именно этой системе мы все ведем себя более или менее рациональ-

---

[23] Frank H. Knight, “On the Most Important Economic Problem”, *Problems of United States Economic Development* (New York: Committee for Economic Development, 1958), vol. 1, p. 273.

но с экономической точки зрения. Однако при этом существуют очевидные опасности, которые подстерегают любого социолога, интересующегося вопросами экономики. Если считать, что социальная реальность, которая действительно является предметом изучения экономистов, исповедующих либеральные взгляды, и является экономикой, то тогда реальная экономическая деятельность в любом обществе должна рассматриваться как отражение рынка. Но тогда мы вновь оказываемся в зазеркалье.

Поланьи, таким образом, всячески стремился доказать, что управляемые рынком институциональные системы не определяют экономику одинаковым образом для всех обществ. Независимо от того, получаем ли мы данные из антропологических исследований или черпаем их из истории, очевидно, что конкурентоспособная система рынок – деньги – цена, функционирующая при наличии таких узаконенных факторов, как частная собственность и свободный договор, а также в условиях культурного контекста «экономической рациональности», либо вовсе отсутствовала, либо играла второстепенную роль на протяжении практически всей истории человеческой цивилизации.

Поланьи нашел для себя решение этой проблемы в том, что вернулся к понятию экономики как сферы обеспечения материальных благ и начал исследовать различные институциональные структуры, в которых подобные сферы функционируют в различных обществах. Конечно, при таком подхо-

де никакой загадки и не могло быть. Каждое общество должно каким-то образом найти материальные средства для жизнеобеспечения людей, а это, в свою очередь, в любом обществе предполагает очевидную и понятную деятельность, оставляющую «субстантивные» свидетельства. В разных обществах этот процесс будет организован по-разному. Он будет основываться на различной мотивации и использовать различные материалы и технологии. Однако он будет присутствовать всегда, будет доступен для наблюдения и анализа, представляя собой если и не особую экономическую систему, то, во всяком случае, набор отчетливо различимых действий определенного вида, характеризующихся некоторой степенью единства и стабильности.

После публикации работ Поланьи, особенно его главы «Экономика как институционалированный процесс» в книге «Торговля и рынок в ранних империях» (1957), многое было написано участниками дебатов между формалистами и субстантивистами. (Эта работа Поланьи в расширенном варианте включена в данную книгу как главы 2 и 3.) Джордж Далтон продолжил развитие субстантивистского подхода, переиздав некоторые из наиболее интересных работ Поланьи, а также провел собственные важные исследования. Здесь не имеет смысла подробно освещать дебаты формалистов и субстантивистов, однако некоторые вопросы до сих пор остаются туманными, в связи с чем нам представляется важным попытаться их прояснить. Разумеется, мы не надеемся разрешить

этот спор раз и навсегда – на это способно только время.

Прежде всего отметим, что в основе дебатов лежит старый вопрос о релевантности и универсальности формальной экономической теории. Сами дебаты восходят к идее «пустых ящиков»[24], выдвинутой представителями германской исторической школы. К спору также подключились американские институционалисты и ряд социологов, антропологов и историков, занимавшихся изучением экономических институтов и социально-культурных основ субстантивной экономической деятельности. Однако в ходе длительных дебатов по поводу эмпирической релевантности экономического анализа вопрос о формальной или логической валидности экономической науки и ее универсальности в качестве теории экономической рациональности слишком часто подменялся вопросом о ее релевантности для целого ряда субстантивных проблем, с которым сталкиваются многие социологи при анализе экономических институтов, их истории и функционального взаимодействия с обществом. Центральным моментом в этих дебатах стала не логическая непротиворечивость экономического анализа и не универсальность понятия экономической рациональности как *аспекта* поведения человека в самых разных ситуациях, начиная от любовных ухаживаний и заканчивая сражениями на войне. Главным предметом споров был вопрос о том, в какой сте-

[24] Подробнее см.: J. H. Chaphman, “Of Empty Economic Boxes”, *The Economic Journal*, Vol. 32, No. 127 (Sep., 1922), p. 305–314. – *Прим. науч. ред.*

пени сама дисциплина формальной экономики и весь арсенал ее аналитических средств может создать модель экономической деятельности, которая была бы в состоянии однозначно идентифицировать целую область переменных, интересующих социологов при изучении экономики в различных обществах. В таком споре недостаточно доказать, что процесс выбора и экономически рациональное поведение представляют собой универсальные аспекты жизни или что человек в течение своей жизни обнаруживает способность к прогнозированию и рациональному поведению. Если формальная экономическая теория должна давать нам общее представление о роли экономики в обществе, то тогда необходимо, чтобы рабочие определения экономической рациональности (то есть максимально эффективного использования ограниченных средств с целью достижения упорядоченных целей) могли предоставить нам универсальные *организационные* принципы взаимоотношений между людьми в процессе производства и распределения материальных благ. А именно в этом, по общему мнению, и заключается субстантивная роль экономики в любом обществе. Смысл аргументации Поланьи состоял в том, что все эти условия не могут универсально существовать в одинаковых областях деятельности в любом обществе. А если главный вопрос, который нас интересует при изучении любого общества, – это материальная область человеческой деятельности, то тогда теорию организации и развития экономики следует рассматри-

вать отдельно от формальной экономики.

Следовательно, по мнению Поланьи, такие факторы, как общественный порядок, процесс производства материальных благ, правила их использования, приобретения и расходования, становятся совершенно необходимыми составляющими экономического процесса, причем не из-за ограниченности этих благ. Скорее, это происходит в связи с тем, что при производстве материальных благ, их перемещении и передаче из рук в руки, независимо от их относительной редкости или избытка, люди должны руководствоваться определенными правилами администрирования; знать права и обязанности, связанные с использованием людей и предметов в процессе производства; выполнять правила распределения материальных благ; соблюдать ритмичность работы; знать единицы измерения времени, веса и пространства. Без учета всех этих факторов наступит полный хаос. Эти проблемы субстантивной экономики охватывают социальную, культурную и материальную сферы, и их невозможно понять, если они будут трактоваться просто как некая абстракция, как экономность при использовании ограниченных материальных благ или как стремление «избегать расточительства и нецелесообразности».

В этой книге отчетливо прослеживается мысль Поланьи о том, что в примитивных и ранних исторических обществах доминирующие технологии, общественное устройство и системы коммуникации, упорядочивающие и интегрирующие

экономическую жизнь, не приводят к ситуациям, в которых человеческие и природные составляющие экономического процесса могут рассматриваться участниками этого процесса как универсальные инструменты или ресурсы, используемые для достижения разных целей. Взаимовыгодные отношения между людьми относительно материальных благ, как правило, включены в разветвленную сеть социальных и политических обязательств, которые не позволяют отдельному человеку максимизировать в этих отношениях собственные «экономические» преимущества. Поланьи демонстрирует, что даже когда в этих обществах появляются рынки, деньги и цены, социальные, культурные и политические надстройки не приводят к ситуациям, в которых выпуск сопоставляется с затратами, в результате чего экономически оптимальное поведение отдельного человека, не говоря уже об экономике в целом, не может быть определено даже в общих чертах.

Критикуя наблюдавшееся смещение интереса в сторону рыночной системы, Поланьи сосредоточил внимание в первую очередь на торговле, деньгах и рынках, то есть на институтах, трактовка которых в историческом ключе, по его мнению, была совершенно неверной. Он объяснял это близорукостью современных западных представлений, согласно которым эти факторы по природе своей были связаны в неразрывную цепочку действий, имевших своей целью извлечение выгоды. Самая жесткая критика Поланьи была на-

правлена на работы Бюхера, Тённиса, Мэйна, Турнвальда, Малиновского, Вебера и Дюркгейма. Его собственный вклад состоял в том, что он разработал четкие операционные определения торговли, использования денег и рынков; определил, каким целям они служат, а также описал различные типы социальных ситуаций, в которых они функционировали на протяжении длительной истории человеческой цивилизации, причем задолго до появления на Западе рыночной системы. Он тщательно проанализировал, каким образом мог происходить фактический обмен между людьми как при наличии, так и в отсутствии рынков, но в любом случае без использования якобы неизбежных правил, относящихся к механизму «предложение – спрос – цена».

Он ввел в научный обиход новые концепции операционных механизмов и эквивалентов, проиллюстрировав способы, с помощью которых примитивные и древние экономики могли выполнять сложную задачу, связанную с измерениями и с установлением обменного курса, не имея сложных концептуальных систем мер и весов, а также в отсутствии таинственной магии цен, автономно устанавливаемых под воздействием спроса и предложения. Ему удалось понять, какое огромное значение для политического и экономического развития играли такие факторы, как сокровища и престиж – культурные институты, характерные для любого раннего общества. Кроме того, он проследил процесс постепенного «очищения» экономических трансакций от их социального

наполнения – статусности и власти.

Однако, размышляя о работах Поланьи, всегда нужно учитывать тот факт, что его широкое историческое полотно, описывающее торговлю, деньги и рынки, было частью более значимой концепции и имело более масштабные цели. Эта более значимая концепция представляла собой общую теорию экономики в обществе, свободную от доминирующего уклона в сторону «рыночного менталитета», характерного для нашего времени. Таким образом, в первую очередь он стремился определить значение, масштаб и содержание области производства материальных благ, существующей в каждом обществе. Он делал различие между «локационными перемещениями» (то есть пространственными «физическими» перемещениями, характерными для природно-антропогенных аспектов производственного процесса) и «перемещениями, осуществляемыми в целях приобретения», которые определяют важнейшую пограничную сферу в отношениях между экономикой и обществом. Такие «перемещения в целях приобретения» упорядочивают отношения между людьми в ситуации, когда в ходе экономического процесса они регулярно приобретают начальный продукт и избавляются от конечного продукта. Материальные блага, люди-агенты и технические знания, которые способствуют производству, – все эти факторы должны перемещаться или приводиться в движение с целью перемещения, в результате которого они меняют свое место в обществе. Про-

дукты же, производимые в ходе таких действий, возвращаются к членам общества. Это та сфера, в которой существуют установленные правила приобретения – права и обязанности. Именно они и определяют взаимоотношения между людьми в процессе приобретения и распоряжения ценными предметами, а также в процессе найма людей – агентов экономического процесса. В широком смысле эта сфера может пониматься как сфера «имущественных» отношений, и если речь идет о производстве, то она может представлять собой как минимум одну из составных частей того, что Маркс называл «производственными отношениями».

Социальная структура «имущественных прав» позволяет рассматривать экономику в качестве социальной системы. Эта социальная структура вмещает в себя институциональную матрицу, которая упорядочивает экономические отношения, возникающие между людьми. Кроме того, она определяет место экономики в обществе. Под этим понимается, что эта структура содержит общественный источник прав и обязанностей, которые санкционируют вовлечение товаров и людей в экономический процесс, их перемещения в рамках этого процесса, а также выход из него.

Поланьи выделил три основных типа социальной организации экономической деятельности, назвав их «формами интеграции»: «реципрокность, редистрибуция и обмен». (Четвертый подтип – «ведение домашнего хозяйства» – мог иметь характерные черты всех трех главных типов; он был

введен Поланьи для обозначения земледельческого домашнего хозяйства.) Хотя у Поланьи нигде об этом не говорится в явной форме, эти типы социальной организации экономической деятельности соответствуют «имущественной» сфере социальной организации экономики. Это означает, что они определяют типичные паттерны взаимоотношений между людьми в ситуациях, когда они приобретают производственные ресурсы и материальные блага, удовлетворяющие их потребности, и распоряжаются ими. Эти паттерны также служат для определения места экономики в обществе в том смысле, что они в целом определяют виды институциональных (социальных, политических, экономических) решений, которые закрепляют права и обязанности между людьми в процессе экономической деятельности.

Одна из типичных форм, служащая целям упорядочивания этих «имущественных» перемещений, была названа «реципрокностью», хотя в этом случае можно было бы использовать и другие термины, например «взаимность» или «традиционность». Каждый из этих терминов в той или иной степени можно считать подходящим, хотя ни один из них не является полностью адекватным. В любом случае самое важное – это четко описать ситуацию. Главная особенность такого рода организации состоит в том, что источники разрешений, контроля над перемещением товаров и людей в экономику и из экономики, а также продуктивного использования материальных благ в ходе субстантивного экономиче-

ского процесса следует искать в какой-то части социальной структуры. Такой структурой может быть система родственных связей, функции и назначение которой так или иначе зависят от ее роли в упорядочении взаимоотношений между людьми, участвующими в экономическом процессе, однако не ограничиваются лишь этим. Семья, или система родства, является прототипом реципрокной ситуации, но существующие в ней отношения также характерны для отношений между друзьями, соседями, членами общественных организаций, группами сверстников и т. д. Главное – это то, что в ситуациях реципрокности перемещение товаров и людей, а также решения, связанные с продуктивным использованием материальных ресурсов, имеют своим источником поведенческие ожидания или требования, которые предъявляются той или иной системой родства, сообществом, компанией друзей или общественной организацией. Разрешения, получаемые в таких ситуациях, как использование земли, вхождение в наследство, лишение земли или иных материальных благ, равно как и включение людей и товаров в экономический процесс и удаление их из этого процесса, определяются здесь на основе общих ожиданий относительно поведения, обусловленного более ранним существованием или более масштабным функционированием рассматриваемых социальных институтов. Иными словами, такие универсальные вопросы, как *Кто и что должен делать? Какие средства при этом будут использоваться? В каком количе-*

стве будут использоваться эти средства и когда? Кто получит произведенный продукт и в каком количестве? – это вопросы, определяемые нормами поведения в определенной социальной структуре, которая в данном случае управляет экономическим процессом.

Второй термин, «редистрибуция», означает реальное физическое перемещение товаров в центр, из которого они далее перераспределяются. Самыми ранними примерами редистрибутивной экономики являются экономики огромных бюрократических империй древней Месопотамии, Древнего Египта или империи инков в Перу. Очень важно понимать, что отличительной чертой этого типа экономики является не паттерн физического перемещения товаров, а паттерн прав и обязанностей, который определяет перемещение товаров «из рук в руки», а также включение людей в экономику и их выход из нее. «Центричность» редистрибутивного паттерна связана с тем, что полномочия устанавливать права и обязанности находятся в легко определяемом центре, из которого товары и люди распределяются с помощью использования матрицы формальных правил и предписаний, управляющих перемещением материальных благ между людьми. Таким образом, появление редистрибуции как формы организации экономики тесно связано с установлением политического строя в качестве определенной общественной системы.

Третьим типом организации экономики служит трансак-

ционный паттерн обмена. Его характерной особенностью является рациональный личный интерес, а характерным институтом – рынок. Правда, это совсем не означает, что такому паттерну будет соответствовать любой рынок. Саморегулирующийся, или «ценоустанавливающий», рынок, существующий в современных западных странах, – это прототип системы обмена. Здесь, как и в случаях других паттернов организации экономики, главной характеристикой обмена является способ, с помощью которого определяются имущественные права и обязанности. Институциональная среда рынков, денег и цен обеспечивает наличие независимого механизма, благодаря которому устанавливаются права, представляются интересы и улаживаются конфликты. Хотя права на приобретение и распоряжение благами в конечном счете по необходимости санкционируются политическими институтами в форме частной собственности и свободного договора, они на самом деле возникают в процессе купли и продажи, благодаря которым люди становятся участниками рынка. Свои интересы на рынке может представлять любой человек, у которого имеются необходимые для этого средства. Конфликты разрешаются путем изменения цен. Отличительная черта паттерна обмена состоит в том, что в отношениях взаимообмена, которые являются главными в субстантивном экономическом процессе, он позволяет выделить определенный экономический элемент (используемый здесь в формальном смысле экономической рациональности). При этом

акт обмена теоретически всегда представляет собой процесс просчитанного взаимного выгодоприобретения.

Подобно двум другим предложенным Поланьи «формам интеграции», обмен – это принцип социальной организации, который при наличии подходящих условий может распространяться на различные сферы человеческой деятельности, а не только на экономику в том смысле, как она здесь понимается. Разумеется, каждый из этих трех паттернов представляет собой принцип социального устройства, который может применяться как к широким, так и к дисперсным областям деятельности в любом обществе. Эти принципы легко выявляются и широко признаются в качестве имплицитной взаимности, типичной для социального аспекта межличностных аффективных отношений; в качестве рационального контроля над коллективным подчинением формальным правилам и центральной власти; а также в качестве экономически рациональной личной заинтересованности в отношениях обмена. Если понимать перечисленные выше принципы именно в этом смысле, то их можно называть социальными, политическими и экономическими принципами общественного устройства. У каждого из них имеется собственный способ организации, собственные ценности и собственная логика действия. Так, например, наше общество устроено по принципу обмена, потому что система «рынок – деньги – цены» остается главным способом структурирования межчеловеческих отношений, причем не только в субстан-

тивной экономической сфере, но и внутри и между большинством различных сфер человеческой деятельности (таких как спорт, развлечения, искусство, связь, транспорт, финансы и услуги), существующих в обществе. И другие сферы деятельности (такие как образование, религия, политика и военное дело), хотя в целом не структурируются непосредственно на основе рыночных отношений, активно участвуют в рыночном обмене и находятся под его сильным влиянием.

На этом теоретическом уровне главная задача, которую ставил перед собой Поланьи, состояла в том, чтобы создать субстантивную нерыночную экономическую теорию, которая на самом деле могла бы обеспечить общую концептуальную основу «для целого ряда ранних обществ, в которых, как было обнаружено, превалировали иные паттерны интеграции, нежели обмен»[25]. Полностью реализовать свои цели ему так и не удалось. Однако он заложил прочный фундамент, оставив нам концептуальный каркас, который при последующей разработке может быть применен к любому обществу – как примитивному, так и современному. Именно это и планировал сделать Поланьи.

Научные задачи Поланьи были серьезными и амбициозными, и они продолжают быть мотивирующим фактором для ученых, работающих в различных областях. Однако более глубокий смысл и тема, пронизывающая все его работы, принадлежат области социальной и политической филосо-

[25] См. ниже.

фии. Если говорить совсем простыми словами, то его главная идея состояла в том, что рыночная система современного западного мира захватила в свои руки функции, присущие человеческому обществу, и нарушила его целостность. В результате на первый план вышли экономические ценности, а человек и природа превратились в товар, утоляющий аппетит «сатанинских мельниц» саморегулирующего рынка, как об этом говорил сам Поланьи в «Великой трансформации». Движущей силой всей его исторической работы была убежденность в том, что так было не всегда; что раньше существовала возможность производить и распределять продукты жизнеобеспечения человека, сохраняя целостность общества; что в дорыночной истории человечества можно найти разгадки, которые позволили бы вернуть ответственность за человеческие судьбы самым разным социальным, политическим и культурным общественным институтам. Таким образом, он в действительности бросил вызов традиционным либеральным представлениям о том, что свобода и справедливость неразрывно связаны с рыночным порядком. Тем самым он на самом деле выступил против экономического детерминизма, одной из основных аксиом марксизма – ортодоксии XIX века.

Требуется еще многое завершить. Публикуемая работа Поланьи является только наброском задуманного им масштабного труда. Я надеюсь, что этой книге удастся лучше, чем любой другой, дать более последовательное и полное

представление о его концептуальной системе и продемонстрировать его роль в качестве главного историка экономики. Кроме того, я надеюсь, что эта работа Поланьи даст ключ к пониманию ряда важнейших проблем нашего времени – проблем, которые не были решены и после его смерти в 1964 г. и которые по сей день сохраняют свою актуальность.

Скрыли великие боги от смертных источники пищи.
Гесиод. Труды и дни

Предисловие

Задача этой книги состоит в том, чтобы, взяв за основу всеобщую экономическую историю, полностью переосмыслить проблему источников средств существования человека[26].

Таким образом, в этой работе будет продолжено изучение вопроса, который я впервые затронул около десяти лет назад в книге «Великая трансформация». В «Великой трансформации» я подчеркивал, что для того чтобы получить более реалистичное представление о роли экономики в человеческом обществе, необходимо пересмотреть всеобщую экономическую историю, опираясь на более широкие концептуальные основания.

Благодаря финансовой поддержке Совета по исследованиям в области социальных наук Колумбийского университета я мог заниматься изучением этих вопросов более пяти лет (1948–1952). Затем на несколько лет работа прервалась, поскольку я, совместно с профессорами К. М. Аренсбергом и Г. У. Пирсоном, занимался подготовкой и редактированием сборника «Торговля и рынок в ранних империях» (Trade and Market in the Early Empires) (1957), куда вошли и наши

[26] Это предисловие было составлено на основе двух вариантов. Один из них был написан в 1954 г., а второй, без даты, по всей вероятности, после 1957 г. – *Прим. ред.*

статьи. В настоящей книге, которая называется «В поисках средств к существованию» (The Livelihood of Man), я вернулся к начатой ранее работе.

На теоретическом уровне будет сделана попытка разработать концепты торговли, денег и рыночных институтов, которые были бы применимы к любому типу общества. На историческом уровне конкретные примеры помогут вдохнуть жизнь в теоретические обобщения путем их сравнения или противопоставления. На политическом уровне следует попытаться получить от истории ответ на некоторые насущные моральные и практические проблемы нашего времени.

Что же представляет собой мир идей, в который мы приглашаем читателя? Как следует подавать факты и аргументы? И как говорить о дальнейших перспективах?

Теория, история и политика

Термин «экономический» создает большую путаницу по причине своей двусмысленности. Экономическая теория внесла в него оттенок значения с такими строго очерченными временными коннотациями, что он становится практически бесполезным вне узких границ нашего, подчиненного рынку, общества. Термины «предложение», «спрос» и «цена» нужно было бы заменить терминами с более широкими значениями, такими, например, как «ресурсы», «потребности» и «эквиваленты». Тогда историк имел бы возможность сравнивать экономические институты различных периодов и регионов, не опасаясь придать голым фактам смысл рыночных явлений.

Как только мы откажемся от использования бессмысленных понятий, мы сможем лучше осознать реальность. В наших рыночных экономиках торговля и деньги воспринимаются просто как рыночные функции, каковыми они в некоторой степени и являются. Однако если распространить такое представление на разные исторические периоды, мы неизбежно исказим факты прошлого. Внешняя торговля и некоторые способы использования денег стары как мир, в то время как ценообразующие рынки – сравнительно недавняя инновация.

Может показаться, что такой специфический подход яв-

ляется достаточно ограниченным, однако, если рассуждать логически, он должен заставить как минимум произвести пересмотр временной шкалы евразийской цивилизации. После открытия в 1902 г. Свода законов Хаммурапи, высеченного на обсидиановой стеле, стало считаться доказанным, что вавилонское общество было, по сути, полностью коммерциализированным. В качестве свидетельства о наличии коммерции и процветающих рынков принимались такие факты, как высокий уровень развития торговли и широкое использование денег как в качестве средства оплаты, так и в качестве «стандартного эквивалента». По-видимому, зарождение нашей коммерческой цивилизации восходит к документированной истории. Однако, как оказывается, торговля и денежное обращение необязательно предполагают наличие рынков, и, как подтвердили недавние археологические раскопки, на всей территории Вавилона отсутствовали рыночные площади. В будущем, возможно, признают, что первые крупные городские рынки появились не в Вавилоне, а в Афинах. Уже сегодня кажется, что историография рыночной торговли сдвигается по времени как минимум на одно тысячелетие, а в пространстве – на несколько градусов долготы.

Кардинальный политический сдвиг становится нам понятным, когда мы рассматриваем проблемы человечества, возникавшие в прошлые тысячелетия. Тогда вопросы, которые нашему поколению кажутся уникальными судьбоносными историческими развилками, – свобода или бюрокра-

тия, планирование или рыночная система, – признаются актуальными вариантами вновь и вновь повторяющихся жизненных ситуаций. Полностью плановая экономика греческого Египта создала первый «мировой» зерновой рынок в Восточном Средиземноморье. Еще в начале второго тысячелетия до нашей эры ассирийские правители преследовали цель обеспечить гармоничное сочетание инициатив отдельных торговцев и разработанных государством направлений торговой политики. И это им вполне удавалось, судя хотя бы по тому, что существовали весьма хитроумные способы, благодаря которым принципы государственной колониальной торговли гарантировали свободу индивидуальной торговли. Здесь мы имеем в виду так называемую «каппадокийскую» торговую колонию, в которой отсутствовали ценообразующие рынки – вместо них практиковался безрисковый тип ведения торговых операций по фиксированным ценам, когда торговцы получали прибыль за счет комиссионных сборов. И все-таки не могут не поражать существовавшие гарантии верховенства права и обеспечения личных свобод торговцев. Кроме того, способы примирить экономическое планирование с требованиями рынка были найдены даже в таких несхожих между собой обществах, как демократическая Аттика V века до н. э. и дописьменное негритянское королевство Дагомея в Западной Африке, которое возникло на 2000 лет позже и где международная торговля по-прежнему осуществлялась торговыми организациями

при королевском дворце, а экономическая жизнь деревень и родовых кланов регулировалась местными рынками и реальной автономией деревни.

С точки зрения поиска средств к существованию наш современный мир, скорее всего, даже моложе, чем мы думали. Однако серьезные проблемы, стоящие перед человечеством, – свобода и централизация, инициатива и планирование, – являются гораздо более долговечными, чем считалось ранее.

Введение

Эта работа – вклад экономиста-историка в решение мировых проблем, возникающих в период опасных трансформаций. Задача этой работы очень простая: полностью переосмыслить проблему материальных средств существования человека, без чего невозможно расширить нашу свободу созидательной адаптации и тем самым улучшить наши шансы на выживание.

В этой книге предприняты лишь первые шаги в данном направлении. Однако я попытаюсь развенчать здесь некоторые глубоко укоренившиеся ложные представления, существующие в современной социальной философии, – представления о том, какое место экономика занимает в обществе. В центре данного исследования будут торговля, деньги и рыночные институты – понятия, так хорошо знакомые нашему времени и все же, возможно именно по этой причине, являющиеся источниками удручающе неполного понимания природы человеческой экономики.

Если при анализе голых фактов иногда начинают звучать личные оценки, то это только потому, что историк не может чувствовать себя в стороне от потребностей своего времени. И тогда в ответ в традиционную канву академической дисциплины он может добавить эмоции, что совершенно не типично для структуры научного повествования. И все же то, ка-

ким окажется историческое исследование, не может определяться исключительно личной позицией того или иного историка. Можно вполне объективно оценить, насколько велика такая опасность, и даже самый краткий анализ настоящего позволяет выявить некоторые постоянные факторы грядущего периода истории. Тем не менее подход к решению этой задачи вполне может считаться личностным. Так или иначе, не на пустом месте, а в силу объективных причин возникло мнение, что даже исследователь экономической истории – человек глубоко погруженный в науку и отстраненный от реальных проблем – в этом вполне земном процессе должен иметь возможность найти применение и для себя. Так, например, он может помочь нам избавиться от устаревших понятий. А благодаря тому, что он умеет верно определять болезни исследуемого века, он даже мог бы осмелиться высказать свое мнение по поводу того, как оценивать долгосрочные политические проблемы.

Конечно, голые факты, которые привели к сложившейся сегодня ситуации, многие историки трактуют одинаковым образом. Около четверти века назад стал очевидным крах системы мировой экономики. После Первой мировой войны произошли значительные изменения в системе международного золотого стандарта, на мировых товарных и сырьевых рынках, а также в области глобального распределения кредитов и инвестиций. Некоторые из этих изменений оказались внезапными, некоторые происходили постепенно. В

то же время начался распад политической организации народов, населяющих нашу планету. Нарушился баланс сил, благодаря которому в течение столетия удавалось предотвращать крупные войны. Появлялись и исчезали новые формы правительственных диктатур. С различной степенью успеха испытывались новые принципы организации экономики. После Второй мировой войны в Азии и Северной Африке менялись границы стран. Был период, когда Третья мировая война казалась неизбежной. Однако, несмотря ни на что, создается впечатление, что аргументы в пользу выживания начинают перевешивать аргументы в пользу уничтожения.

Каким бы ни был исход, уже сейчас можно сделать один вполне определенный вывод: нам не обойтись без дальнейшей перенастройки институционального ландшафта национальной и международной жизни. Эта мысль может показаться банальной – ведь история не стоит на месте. И в действительности, в связи с этим, я считаю, что историки должны уметь предвидеть изменения, которые могут повлиять на жизненно важные аспекты нашего коллективного существования, даже если – и сегодня это кажется вполне возможным – с нами не произойдет никаких значительных событий, подобных тем, с которыми мы столкнулись в прошлом десятилетии. Здесь необходимо особо отметить одно критически важное обстоятельство, которое легко можно упустить из виду: очевидно, что противоборствующим политическим и идеологическим силам, уже появившимся на арене между-

народной жизни, предстоит либо вступить в деструктивную схватку, либо конструктивно взаимодействовать. Не исключено, что потребуется воспользоваться обоими этими сценариями. И все же институциональная природа этих сил такова, что, даже если не случится ничего драматичного, неизбежно будет происходит постепенная адаптация к таким обстоятельствам. В одном мы можем быть полностью уверенными: что бы ни ожидало нас в будущем, мы обязательно станем свидетелями креативного приспособления к этим новым перманентным чертам среды обитания человека. Это, как минимум, является логическим требованием хоть какого-нибудь мирного сосуществования – если оно в принципе достижимо.

Однако помимо институциональных инструментов, которые должны применяться в целях обеспечения процесса мирного сосуществования, может происходить и иное, менее очевидное изменение мирового сообщества – и это изменение может оказаться гораздо более масштабным (хотя в некотором отношении даже менее резким), чем ранее позволяло представить себе наше воображение. Высвобождение энергии атома навсегда обрекло нас на постоянный страх. Таковы главные аспекты, в рамках которых наше существование может изменить свою траекторию движения – сместившись с характерной для сегодняшнего дня экономической оси на ось, для которой лучше всего подходит название моральной и политической. Тогда высшими целями челове-

ка будут не достижение экономического прогресса и повышение уровня благосостояния, а обеспечение мира и свободы. Страх – этот столп власти – уже неспешно формирует тоталитарные тенденции невиданного ранее размаха. Так или иначе, постепенно меняется сам характер изменений.

I. Изменения и экономическая история

Если говорить о том скромном вкладе, который я, как историк экономики, втайне лелею внести в науку своим исследованием, то лучше всего назвать его эзотерическим. Действительно, цели и задачи этой работы не могут не выглядеть достаточно странными: выбрать для изучения вечный вопрос о средствах человеческого существования и пересмотреть его в свете практического применения. Вопрос о том, какое место разные типы экономики занимают в различных обществах, является, мягко говоря, весьма неудобным. Хотя та или иная экономическая система является неотъемлемым структурным элементом любого общества, она может быть связана с остальными общественными элементами различными способами. Даже при одинаковом уровне технологического развития в экономических системах могут происходить изменения, имеющие далеко идущие последствия, такие как переход от капитализма к социализму. Кроме того, некоторые экономические структуры, по-видимому, вполне могут допускать резкие изменения политической системы, например, когда в обществе с рыночной экономикой происходит переход от либеральной системы к фашизму, или наоборот. Такие переходы становятся еще более вероятными, если политические изменения обусловлены внешними

силами, такими как завоевание, что нередко происходило в мировой истории. Под влиянием внешнего давления или в результате процесса аккультурации какая-то важная сфера жизни – политическая, религиозная или культурная – вполне может занять доминирующее положение. Такая ситуация может сохраняться в течение настолько длительного периода, что назвать ее временной не представляется возможным. Даже несмотря на то, что в этом списке жизненных сфер экономика будет занимать лишь второе или третье место, она может осложнить существующую ситуацию, причем самым непредсказуемым образом.

Если же, невзирая на все эти рассуждения, в качестве предмета исследования я выбрал эту трудно решаемую проблему о средствах существования человека, то сделал это из убеждения, что интеллектуальному поиску все-таки под силу избавить нас хотя бы от некоторых из наиболее глубоких заблуждений по поводу экономики, столь широко распространенных в наше время.

Эта уверенность, которая практически является обязательством перед самим собой, возникла благодаря серьезным многолетним исследованиям. Я глубоко убежден, что в целом источником неосознаваемой интеллектуальной слабости, сопровождавшей развитие западной цивилизации, были особые условия, в которых происходило формирование ее экономической судьбы. Рассмотрим специфические особенности этой аргументации более подробно.

Наше общественное мышление фокусируется на экономической сфере, и именно по этой причине оно не готово к требованиям нашего века кардинальных перемен. Обществам с рыночной экономикой, таким как наше, сложно (а может быть, даже невозможно) адекватно оценить важность экономического фактора. Ведь если повседневная деятельность человека организуется с помощью всевозможных рынков, основывается на стремлении к извлечению выгоды, определяется духом конкуренции и управляется утилитарной шкалой ценностей, то его общество представляет собой структуру, важнейшие аспекты которой служат целям наживы. Сделав, таким образом, получение экономической выгоды главным и единственным мотивирующим фактором практической деятельности, человек теряет ментальную возможность свести эту мотивацию от абсолюта к относительности. Его воображение теперь находится в тисках отупляющих ограничений. Само слово *экономика* уже не вызывает в его сознании картину материальных средств человеческого существования и технологий, способствующих их сохранению. Вместо этого он представляет набор специфических мотиваций, специфических отношений и весьма специфических целей – и все это он теперь называет «экономическим», пусть даже все эти мотивации, отношения и цели являются лишь вспомогательными средствами собственно *экономики*. При этом они обязаны своим существованием эфемерному взаимодействию типичных черт той или иной куль-

туры. Главными специфическими чертами ему кажутся не постоянные и неменяющиеся характеристики всех мировых экономик, а лишь преходящие и случайные. Он постоянно создает для себя сложности там, где их нет, и спотыкается о препятствия, которых можно было бы легко избежать, знай он об их существовании. В своем невежестве он не способен понять, какие условия могут обеспечить его выживание. Ему также не дано осознать, какими могут быть и менее очевидные способы достичь то, что ему по силам. Как мне представляется, такое устаревшее рыночное мышление и является главным препятствием на пути реалистичного подхода к изучению экономических проблем грядущей эры.

При поверхностном рассмотрении может показаться, что такая постановка вопроса фактически противоречит сама себе. Может возникнуть впечатление, что в подобных рассуждениях делается чрезмерный акцент на важность экономики – но в то же время ведь именно против этого они якобы и предостерегают. Тем не менее дело обстоит именно так. Утверждение о том, что привычки, сформировавшиеся в рыночных условиях, как правило, связаны с определенными экономическими целями, никак не противоречит открытому отрицанию ошибочного представления о вневременном характере преобладания экономического фактора в делах человека. Вполне естественно, что в XIX веке, то есть в период, когда повсеместно распространились рыночные отношения, в ежедневной жизни людей проявлялся экономиче-

ский детерминизм, причем можно предположить, что такой детерминизм был вневременным и всеобщим. В отношении человека и общества материалистический догматизм этого периода зеркально отразил те институты, на долю которых выпало формирование экономического контекста. Поэтому мы просто указываем на очевидный факт, когда говорим, что такие чрезмерно зацикленные на рынке понятия, которые являются отражением условий определенного временного периода, неизбежно будут мешать решению более широких проблем, включая такие, как приспособление экономики к новому социальному контексту.

Следовательно, несоразмерно сильное влияние, которое рыночная система оказывает на наше общество, как раз и является причиной того, что нам сложно понять ограниченный и подчиненный характер экономики в той форме, в которой она существует вне рыночной системы. Однако из этого следует вполне оправданное ожидание, что как только это глубоко укоренившееся предвзятое мнение будет выявлено, нам будет под силу избавиться от его вредоносного влияния. По мере того как мы будем осознавать этот факт, нам будет необходимо вносить определенные коррективы в это ограничивающее наше понимание ошибочное мнение. Для того чтобы привести животрепещущие вопросы, связанные с экономическим регулированием, в соответствие с их истинными пропорциями, нам необходимо посмотреть на эти проблемы глазами историка.

Однако если исторические версии будут сформулированы в лозунгах, они окажутся столь же губительными для нашего поколения, что и неточные карты для полководца накануне сражения. Прежде всего, мировая история – это *никак* не история экономики. Физическое существование какой-то группы людей, ее безопасность, общность образа жизни – все эти факторы выходят за границы того, что можно с полным правом назвать экономическим интересом. Однако имеется определенная опасность и в обратном утверждении. Тот, кто может предложить экономическое решение, всегда возьмет верх над тем, у кого такого решения нет. Опять же, сама по себе деловая практика, с каким бы трепетом мы к ней ни относились, не может претендовать на то, чтобы стать единственным воплощением таких превосходящих ее по своему значению ценностей, как личность и свобода. Иначе нам пришлось бы заменить такое понятие, как «кредо», на «кредит» и тем самым провидчески снизить значение движущих сил секулярной религии, которой удается не класть свое «кредо» на банковский счет. Не следует из технологического прогресса делать идола, на алтарь которого в слепой вере будут приноситься мораль и человеческое счастье. Однако возводить примитивизм на уровень морали и искать защиты от века машин в пещере неолитического человека – это совет отчаяния, в котором упускается из виду тот факт, что прогресс необратим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.